Любовь Хилинская

Подарок судьбы

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Любовь Александровна Хилинская

Подарок судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72409771
SelfPub; 2025

Аннотация

Это книга про людей, про то, как иногда бывает трудно, и как совершаются необдуманные поступки, которые могут повлиять на всю жизнь, и только подарок судьбы, иначе не назвать, протягивает тонкий мостик помощи, латающий израненное сердце…

В тексте есть: красавчик-врач, настоящий мужчина, беспомощная героиня, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации, козлина-бывший, постепенное появление чувств, раскрытие героини.

Содержание

1 4
2 11
3 17
4 23
5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Любовь Хилинская
Подарок судьбы

1

Этот летний день был по-особенному прекрасен. В первую очередь тем, что меня, наконец, выписали из перинатального центра, где я лежала с высоким давлением, чтобы последние недели перед родами можно было провести дома, в кругу семьи и друзей. Ни того, ни другого у меня пока не имелось, семья только собиралась образоваться, когда Даня вернется в вахты, а с друзьями как-то со школы не ладилось, мне со сверстниками было неинтересно, как и им со мной.

Набрав Данькин номер, я снова услышала «абонент вне зоны действия сети» и вздохнула – в последние три недели, все время, что я провела в больнице, телефон мне выдавал такое сообщение. Но я не беспокоилась, зная, что мой будущий муж работает в поте лица, и сам неоднократно говорил об отсутствии связи или ее плохой работе в том месте, где находился их поселок. Мы даже смеялись, когда Даня в лицах рассказывал, как мужики бегают с привязанным к воздушному змею телефоном, чтобы отправить или получить смс. Ничего, скоро мне рожать, он обязательно вернется к этому периоду, он мне обещал.

Три месяца я ждала, словно верная Пенелопа своего Одиссея из дальнего путешествия. За этот период живот мой стал размером с дирижабль, сын толкался порой так сильно, что сквозь кожу можно было ощутить его стопу. Девчонки в чате июлят смеялись надо мной, говоря, что я придумываю, но я и правда периодически ощущала, как малыш подает мне знак, что он скоро появится на свет. И чувство безграничной любви накатывало на меня, ощущение, что я попала в какую-то сказку, в которой вскоре наступит счастливый финал – свадьба и рождение в мир нового человека.

Пыхтя, я поднялась на третий этаж хрущевки, где жила с момента, когда мы с Даниилом решили быть вместе, и остановилась, поставив на пол сумку с вещами и разгибая поясницу. Уф! Ну и жара сегодня! Сейчас сразу же приму душ и буду лежать под кондиционером. Потом закажу доставку из ближайшего магазина и приготовлю что-нибудь вкусное – от больничной еды мне уже хотелось выть.

Ключ скользнул в замочную скважину, но не повернулся. Что за дела?

Я еще раз вынула и вставила его, попыталась провернуть, но опять не вышло. Странно. Когда меня увозили на скорой, я сама лично закрывала дверь, и все прошло как по маслу, как и всегда – Даня после смерти своей бабушки, которой раньше принадлежала эта квартира, поменял дверь на добротную, как он говорил, чтобы ничего не случилось. И вот случилось. Это мне что, МЧС вызывать? Но у меня ж нет

здесь прописки, я временно зарегистрирована в общежитии, а постоянно у своей матери в станице, но туда я точно не поеду – там шалман такой, что беременной мне будет очень страшно, а тем более, далеко от Краснодара, где я должна буду рожать.

Вытащив телефон, я снова набрала номер любимого. Опять вне зоны действия сети.

Что же делать?

Внезапно замок скрипнул, и дверь открылась, являя на пороге женщину лет шестидесяти в цветастом халате и с бигуди на голове. Она жевала что-то, оглядывая меня сверху вниз, затем хмыкнула презрительно, прищурилась и спросила:

– Явилась?

Ошарашенно уставившись на нее, я даже потеряла дар речи. Это что еще за новости? Может, какая-то Данина родственница? Но что она тут делает в мое отсутствие? И откуда у нее ключи, и вообще, по какому праву?

– Здравствуйте, – переступив с ноги на ногу, так как стоять мне было тяжело, я улыбнулась в ответ на неприветливый вид дамы.

– Здоровее видали! – отозвалась она и смачно шмыгнула носом. – Вещи твои я собрала, выкидывать не стала, хоть очень хотелось, да увидела, что там детское, думаю, жалко дите-то. А ты вон че! Брюхатая!

От такого заявления я даже дар речи потеряла.

– По какому праву вы в таком тоне со мной разговариваете? – возмутилась ей в ответ, стараясь дышать размеренно.

Не хватало еще давление нагнать, с таким трудом приведенное в норму.

– Да уж имею право, милочка! – огрызнулась женщина. – Ты тут по какому праву жила, я не знаю, да только за квартиру ты мне задолжала за три месяца. Мне пришлось сюда аж с самого Иркутска лететь, чтоб узнать, че случилось, а то мало ли проходимцев. Тетка-то моя была, прости господи, блаженная, могла и пообещать кому наследство. Да только квартира моя, поняла?

– Ничего не понимаю, – я нахмурилась, продолжая смотреть на хабалку, что так и стояла в дверях, не давая мне пройти. – Эта квартира принадлежит моему жениху, Даниилу Кутовому, он сейчас на вахте, а раньше его бабушке, которая скончалась в прошлом году.

– Все верно, милая, бабка в прошлом году преставилась, – подтвердила тетка. – Да только никакого Даниила я не знаю, я с агентством договор заключила, они мне съемщика нашли, пока я в наследство окончательно не вступлю. Вот я вступила, да приехала с имуществом разбираться. А тут ты.

– Погодите, – я потерла виски, так как голова начала болеть от перенапряжения, не понимая, что происходит. – То есть, вы хотите сказать, что не знаете, кто такой Даниил Кутовой?

– Понятия не имею, – подтвердила тетка. – Да что мы тут

в подъезде, заходи, давай, вещи свои заберешь заодно. Денег с тебя не поимеешь, как я погляжу. Хоть квартира в порядке оказалась, и то ладно.

В каком-то замешательстве перешагнув порог своей… вернее, теперь уже чужой квартиры, я по привычке скинула шлепанцы, в которые теперь могла втиснуть свои разбухшие ступни, прошла в маленькую кухоньку, подмечая, что плита заляпана жиром, чайник закоптился, а пол в пятнах, хотя всегда держала квартиру в чистоте, несмотря на старый ремонт, и уезжая на скорой, не оставила ни пылинки.

– Ну давай, девка, собирай вещички, да проваливай, – тетка села на стул у стола, мое любимое место, с которого я всегда наблюдала за озорными белками, любившими прыгать по веткам старого платана, взяла в руки мою же чашку с ярким цветком, и с прихлебыванием отпила из нее.

– Мне кажется, это какое-то недоразумение, – все еще не понимая, в чем дело, я тоже села на стул и снова потерла виски. – Даня не мог мне соврать.

– Эх ты, кулема! – рассмеялась мне в ответ женщина, являя рот с половиной отсутствовавших зубов. – Это ж мужик, а им веры нет. Под юбку залез, свое получил, да ищи-свищи, а ты вон дитенка народишь теперь. Сколько, говоришь, не можешь до своего благоверного дозвониться?

– Три недели, – машинально ответила я, – он на вахте уже три месяца, раньше всегда отвечал. Просто что-то случилось.

– Случилось – не случилось, – философски заметила в ответ тетка, – да только теперь быть тебе мамкой-одиночкой. Не ты первая, не ты последняя, как говорится. Да ты не расстраивайся, бывает всякое в жизни. Иди вещи свои собирай, пока теть Валя добрая. Пожалела тебя я по-бабски, поняла?

Поднявшись, я прошла в комнату, увидев, что все сложенные для малыша вещички оказались в большом пакете из сетевого магазина, напиханы как попало, да сброшены у двери в кладовку. Там же и мои вещи оказались.

– Вы из шкафов все убрали? – стараясь сдержать слезы, я в который раз набрала номер Дани и опять не услышала ответа.

– Все, – крикнула мне женщина, – ты сама проверь, мне чужого не надо.

Пройдя по квартире и убедившись, что все мои вещи собраны в пакеты, которых оказалось аж четыре штуки, я вернулась в кухню.

– Могу я забрать свою кружку? – спросила сухо, кивая на цветастую чашку в руке «теть Вали».

– Твоя, штоль? – она подала мне ее, и я брезгливо вздохнула – вся в коричневых разводах, с присохшими снаружи чаинками, эта кружка смотрелась теперь убого.

– Моя, – кивнув, я прошла к раковине и в последний раз отмыла до блеска единственный подарок моей мамы. – Закройте за мной дверь.

Мы вышли в прихожую, я еле всунула в шлепанцы ноги

и шагнула к выходу.

– До свидания, – кивнув на прощание владелице квартиры, я выволокла все свои баулы в подъезд, услышала, как лязгнул замок за моей спиной и разревелась.

Идти мне было совершенно некуда. Деньги на счету заканчивались, их не хватит даже на месячную аренду квартиры, а что делать теперь, я даже не представляла. Почему Даня так поступил? Неужели он мне лгал?

2

Истерика прекратилась также внезапно, как началась. Толку реветь тут в пустом подъезде, если слезами я никак себе не помогу, только нагоню давление, а этого сейчас точно не нужно. Сын толкнулся внутри, будто говоря, мол, не переживай, мам, прорвемся.

Обязательно прорвемся, мой малыш! Обязательно!

Разум отказывался верить, что Даня так со мной поступил. Может, он боялся сказать мне, что у него нет жилья, и потому снял квартиру, выставив ее как имущество бабушки? Но внутренний голос твердил, что «теть Валя» права, меня жестоко обманули. Уж за три месяца-то до родов он мог признаться, когда только собирался ехать на вахту. Да и уехал ли он вообще… Я ж почти ничего о нем не знаю.

Только сейчас я поняла, что все эти месяцы находилась в каком-то розовом тумане с волшебными единорогами. Ведь ни с родителями меня не познакомили, ни с друзьями, мы просто тупо валялись дома, когда я прибегала с учебы, а он ждал меня с уже готовым ужином. И мне было вообще некогда думать над тем, что мы почти никуда не выходим, изредка в кино и в магазины, а потом я забеременела. Поначалу известие меня здорово напугало – кто в здравом уме станет беременеть на шестом курсе меда? Когда предстояли госы, которые, кстати, я уже успешно сдала и получила ди-

плом врача, вот только устроиться на работу мне не светило – никто не ждал у себя сотрудницу, которую еще вчера надо было отправить в декрет. Даже в поликлиниках с острым дефицитом кадров мне отказали. Я думала, что с вахтовым методом работы Дани я смогу устроиться после родов на полставки, он будет сидеть с малышом, а я работать до обеда, нарабатывать баллы для поступления в ординатуру. Многие мои однокурсники пошли платно, чтобы не ждать несколько лет, а у меня такой возможности не имелось – богатой мамы не было, а со стипендии и зарплаты лаборанта кафедры, где я трудилась до прошлого года, не то, что накопить, с трудом прожить можно было.

И вот сейчас я, пыхтя, стащила баулы вниз, сложила их на лавку и задумалась, куда мне податься. В общежитие вряд ли пустят, я теперь все, уже не студентка, но идти больше вообще некуда. Какая-то безвыходная ситуация. Неужели мне придется возвращаться к матери? Не представляю, как я там буду, я не видела ее уже года три, в последний раз, когда приезжала на каникулы, она жила с новым кавалером, который регулярно избивал ее, разукрашивая лицо и тело всеми цветами радуги. Даже челюсть сломал, выбив несколько зубов, но мать и это не остановило – она сначала написала на него заявление, а потом забрала. И как мне привезти малыша в такую обстановку, я не представляла. По всему выходило, что я в какой-то западне.

Желудок голодно заурчал, напоминая, что завтрак в боль-

нице был в девять, а сейчас уже почти три часа дня, и давно пора бы покормить организм.

Достав телефон, я пролистала список контактов, вообще не представляя, с кем могу поделиться своей бедой и попроситься на ночлег. Наверное, до родов мне придется работать кем-то типа доставщика, вряд ли их там интересует, на каком я месяце беременности, а после родов… Со страхом думала о том, что будет после. Куда я принесу малыша? Как мы будем жить? Где…

Слезы вновь подкатили к горлу тугим комком, закипели в углах глаз, и я сердито шмыгнула носом, прогоняя их. Никак они мне не помогут.

– Алло, Женя? – я набрала номер девочки, с которой мы сидели вместе на парах и общались теснее всего. – Жень, я могу у тебя переночевать сегодня?

– Даша? – удивилась трубка голосом моей одногруппницы. – А я на море на месяц уехала, мы тут квартиру сняли. Тебе что, жить негде?

Услышав всхлип, она затараторила, что сейчас что-нибудь решит, что придумает, куда мне пойти, и отключилась, а я села на лавку, глядя на зеленые кроны деревьев. Где-то там, в ветвях, жили те самые белки, за которыми я любила наблюдать из кухни, когда пила чай или какао…

– Эй, ты, как там тебя зовут? – услышала я голос тети Вали. – Ты что тут до сих пор торчишь? Есть куда пойти тебе, а?

Подняв лицо, я вытерла тыльной стороной ладони слезы

и отрицательно помотала головой.

– Голова – два уха! – сообщила мне женщина и фыркнула. – Сейчас спущусь.

Она не заставила себя ждать и вскоре стояла передо мной, сердито уперев руки в бока и глядя сверху вниз. На голове ее все также красовались бигуди, да и халат она не сменила, только тапки переодела на уличные.

– Что, – сварливо бросила она, – твой крысеныш тебя и без денег, и без жилья бросил? Ой, дуры – девки! И что ты сидишь? Думаешь, тут тебе сейчас домик кума Тыквы кто построит? Бери манатки, да пошли обратно. Переночуешь у меня, а там поглядим.

Не веря собственной удаче, я решила не сопротивляться ей и схватила пакеты, но поморщилась от боли в пояснице.

– Вот же бестолковая молодежь пошла, – пробурчала моя спасительница прокуренным голосом. – Сначала думать надо, потом ноги раздвигать. А то залетят, зайку им бог дал, а лужайку-то самим надо заработать. Поняла? Как потопаешь, так и полопаешь! Как зовут тебя, дуреха?

Совершенно не обидевшись на тон, я пробормотала свое имя, глядя, как женщина подхватила все мои пакеты, а затем перекинула ремень сумки через плечо и поплелась следом.

Мы поднялись на третий этаж, вошли в прихожую, тетя Валя разулась и прошла в комнату, бросая мои пожитки на диван.

– Спать на кресле будешь, а я на диване. Благо, бабка у нас

была продуманная, купила раскладывающееся, хоть на этом спасибо. Ну, чего встала, как истукан? Иди в кухню, я там хлеба нарезала, да колбасы, хоть почаевничаем, расскажешь, как ты докатилась до жизни такой.

Чаевничали мы долго, я сама не заметила, как рассказала этой женщине все, а она молча слушала, только головой качала, а потом подытожила:

– Как есть дура! Мамка-то твоя знает, что ты на сносях?

– Пьет она, – пробормотала я смущенно, – а я вот…

– Запьешь тут с такой дочерью, – негромко прокомментировала мне в ответ тетя Валя. – Я как с тюрьмы освободилась, да узнала о наследстве, думаю, вот счастье привалило, хоть на старости лет поживу, как белый человек, а тут у вас вообще невозможно, жара несусветная, на улицу не выйдешь. Буду квартиру продавать, да в Иркутск вернусь. Сын мой тоже сидит, два года ему осталось. Выйдет – жениться захочет, а я ему на свадьбу квартирку подарю. А? Ловко я придумала?

– Ловко! – мне ничего не оставалось, как подтвердить и слушать дальше историю этой женщины.

Она отсидела три года, украла по пьянке у какого-то кавалера банковскую карту, да потратила с нее все, что можно, а сын по другой статье находился в тюрьме – за убийство в драке. И такая тоска брала от ее рассказа, что захотелось уйти и лечь, отвернувшись, но приходилось слушать и кивать, стараясь не налегать на колбасу с хлебом.

Вскоре собеседница поняла, что я клюю носом и отправила меня отдыхать, посетовав, что не может лично встретиться с моим Даней м вырвать ему кадык или что пониже на полметра, так ей меня жаль, а я, едва приклонив голову на подушку, провалилась в сон.

3

Странно, но проспала я почти до утра, ни разу не проснувшись даже для того, чтобы сходить в туалет по малой нужде, моей большой проблеме в последнее время.

Сквозь не до конца задернутые шторы брезжил рассвет, раздавались первые птичьи трели и храп моей благодетельницы, развалившейся на диване. Она лежала, широко раскинув руки и ноги, рот ее оказался приоткрыт, и мощные рулады оглашали небольшую комнату. Вот сюрприз для соседей, которые мне запрещали включать музыку даже днем. Это им ответочка прилетела.

Прокравшись в санузел, я опорожнила мочевой пузырь, умылась, прошлась пальцем по зубам, так как моя щетка осталась в так и не распакованной после больницы сумке, а потом тихой сапой шмыгнула в кухню. Слава богу, здесь имелась дверь, и я не должна была разбудить тетю Валю, отгородившись от нее и тихонько начав готовить завтрак из того, что нашла в холодильнике – молока и яиц. Есть хотелось зверски, но казалось совестным брать чужие продукты, ведь я не знаю материального состояния теперешней хозяйки квартиры. Надо будет, как заработает доставка, заказать хлеба, молока и яиц, все, что я сейчас съем. Уж на это моих средств хватит. А потом, наверное, мне и самой придется оформиться курьером, чтоб хоть немного заработать денег

до родов. Буду разносить небольшие заказы, на которые хватит сил. Надеюсь, что хватит.

Вернувшись в прихожую, я взяла свой телефон, в котором не оказалось ни одного пропущенного. Женя тоже не перезвонила и не написала, видимо, не нашлось вариантов для меня. Может, попроситься остаться здесь? Буду убираться в квартире, готовить, стараться не отсвечивать, но, конечно, сложно будет нам, диаметрально разным по возрасту и социальному статусу людям ужиться даже короткое время вместе.

Даже не знаю, что и делать.

Настроение мое, пришедшее было в норму, снова ухудшилось. Номер Дани по-прежнему не был доступен, и я уже почти не сомневалась, что он бросил меня. Вот так сказка с принцем превратилась в какой-то хоррор, где героиня оказалась в тупиковой ситуации.

Я и правда не знала, что мне делать. Ладно бы я была одна, проблем бы вообще не возникло – можно заключить целевой договор с Минздравом и поехать туда, где дают жилье за работу, но сейчас меня никуда не возьмут. К сожалению, я сама себя связала по рукам и ногам.

– Чего так рано вскочила? – дверь открылась, являя зевающую тетю Валю.

Она поскребла голову, глядя на меня, потом снова зевнула.

– Зашебуршилась, слышу, весь сон поломала, – пожалова-

лась, плюхаясь на стул и принюхиваясь. – Омлет готовишь?

– Да, – виновато покосилась я на нее. – Я куплю вам продукты, как только магазины заработают. Просто я вчера толком не поела, а мне сейчас голодать никак нельзя.

– От ребенка тебе надо избавиться, девка, – внезапно сказала женщина.

По моему ошарашенному лицу она поняла, что сказала что-то не то и исправилась:

– Ну, не убить, грешное дело это, а вот родить и добрым людям оставить – это правильно. Ты сама подумай, куда ты пойдешь? Мать – алкашка, работы нет, жилья нет, денег нет. Под мостом с мальцом сильно не разживешься, у нас тут, чай, не Индия, это там бабы в бочках всю жизнь сидят, как эти… Забыла, мать их за ногу! Ну, был такой мужик, который умные вещи из бочки нес.

– Диоген, – я вздохнула. – Нет, вы что, я ж так жду малыша, я уже люблю его, он моя крошечка.

– Ну и помрешь со своей крошечкой, – зло сплюнула на пол тетя Валя. – А так, сама подумай, ему государство найдет родителей, такие мальцы, сама понимаешь, они нарасхват, сразу заберут в семью, а сама на ноги встанешь, а потом других детей родишь. Всем хорошо будет, Дашка, это правильное решение. Я тебя отсюда не гоню, жалко мне тебя, дуру, только с дитем не приму. Да и продавать буду хату, мне еще обратно в Иркутск лететь, да там покупать, надо все успеть сделать до зимы, чтоб по холоду потом не мотаться. Так что,

милая, рожай, да на государево попечение мальца оставляй.

Я сидела молча, переваривая услышанное. Внутри все коробилось от одной мысли о том, что я могу бросить ребенка в роддоме. Оставить его, маленького, только родившегося, одного… Он будет плакать, а я не подойду. У него заболит что-то, а я не приласкаю. Вдруг его никто не заберет, так и будет расти в детском доме, проклиная мать-кукушку. А я в это время жизнь устраивать.

Непроизвольно слезы полились из глаз. Я закрыла лицо руками и всхлипнула. Аппетит пропал, и теперь хотелось отмыться от грязи, которой невольно будто облила меня тетя Валя. Нет, я точно не способна на такое. Я должна найти другое решение. В крайнем случае, я поеду к матери, там моя комната, буду там жить, сговорюсь с какой-нибудь бабушкой, а сама пойду работать. Должно ж быть другое решение, а не оставление малыша в роддоме.

Но для этого следовало поехать в станицу и посмотреть, как вообще там обстоят дела. Вдруг мама перестала пить, хотя надежды мало на это. Наверное, сегодня и поеду, пока состояние более-менее, а то так и буду гонять мысли туда-сюда.

Сходив в душ и освежившись, я переоделась в чистые вещи, больничное забросила стирать с позволения хозяйки квартиры, быстро прибралась, перекусила и вскоре спешила на вокзал. У меня был, конечно, мамин номер телефона, да только в последний раз, когда я ей звонила, она вылила на меня ушат грязи, обозвав неблагодарной дочерью, и я пере-

стала с ней общаться совсем. Как теперь она примет меня, я не знаю.

Автобус тащился по жаре три часа, я уже успела трижды пожалеть о поездке, когда, наконец, мы добрались до моей малой Родины. Выйдя на знакомом с детства вокзале, я огляделась, качая головой – будто и не было всех лет моего отсутствия, никакого благоустройства и изменений тут не произошло. Отсюда до отчего дома недалеко, дойду пешком, не сахарная. Но уже спустя десять минут я пожалела о своем решении и присела на лавочку у чьего-то дома, вытянув отекшие от долгого сидения ноги. Шлепанцы снимать не решилась, потому что потом обратно точно не надену. Придется терпеть.

Надо мной шумел раскидистый абрикос, плоды с него уже давно собрали, но несколько штук валялись еще у лавочки, распространяя вокруг себя сладкий аромат моего любимого фрукта. Рот наполнился слюной, и я закашляла, отпила из бутылочки воду, поднялась, кряхтя. Надеюсь, роды не начнутся внезапно, потому что тут я точно рожать не хочу.

Наш дом, где до смерти папы мы жили одной счастливой семьей, стоял в двух кварталах от этого, и я ускорила шаг, мечтая побыстрее оказаться в тени, так как июльское палящее солнце так и норовило приласкать меня по головушке. До беременности я не замечала жары, носилась легко, не понимая людей, которые падали в обморок, а теперь сама готова была пополнить их ряды.

Наконец, знакомый поворот. Вывернув к своим воротам, я остолбенела – вместо дома на нашем участке высилась только одна стена. Обгоревшая, страшная, а вокруг разбросанные закопчённые вещи и кирпичи.

– Мама! – непроизвольно вырвался какой-то полустон у меня изо рта.

Прибавив ходу, я дошла до сломанных ворот и остановилась, вцепившись в них обеими руками. Господи, неужели мама погибла в пожаре?

4

Взгляд мой скользил по остову дома, по вещам, разбросанным вокруг в страшном беспорядке, краем сознания я отметила, что мой любимый огромный розовый заяц, память о папе, валяется на пепелище с оторванной лапой, выпотрошенный, грязный, словно символ всей моей жизни. Как сломанная кукла.

Оторвавшись от забора, я в растерянности огляделась, пытаясь определить, есть ли кто из соседей дома, могу ли я узнать хоть что-то. Почему мне не позвонили? И с горечью отметила, что я ж сама сменила номер, а маме его не оставила. Может, она и звонила, да и соседи тоже, а я…

Неблагодарная дочь!

– Дашка, ты, что ли? – калитка соседнего двора открылась, являя на пороге необъятных размеров низкорослую женщину неопределенного возраста.

Она таращилась на меня своими голубыми глазами, прищурив их, приложив козырьком ко лбу ладонь и с ожидая ответа.

Раньше здесь жила моя одноклассница Нинка Попова, тонкая и звонкая девчушка-хохотушка, мы с ней вместе бегали в школу и обратно, учились в одном классе, особо не дружили, но и не враждовали.

– Ну точно, Дашка! – женщина сама подошла ко мне и

заулыбалась. – А я смотрю, будто ты. Потом думаю, да нет, теть Галя говорила, что ты столичной фифой заделалась, куда тебе сюда приезжать, а это ты!

– Фифой! – непроизвольно фыркнула я. – Мама придумает тоже…

Я уставилась на Нину с немым вопросом, а та тарахтела, не закрывая рот, как она рада меня видеть, да сколько ж лет со школы прошло, да как же здорово, что я приехала, и всякую другую ерунду, не относящуюся к делу.

– Пошли-ка, я тебя чаем напою с дороги, ты ж на автобусе приехала? – внезапно резко сменила она тему. – Мои сегодня наоборот вот в Краснодар поехали, свекровь пенсию получила, да повезла детей к саду вещи брать, а я дома осталась. Выросли с весны, все малое стало.

Мы прошли в знакомый дом, в котором, казалось, со времен моего отъезда ничего не изменилось, уселись за кухонный стол, накрытый цветастой клеенкой, и Нина вновь начала сыпать вопросами, на половину из которых не дожидалась ответа. А меня же интересовал только один – что с мамой. Когда, наконец, я умудрилась задать его, вклинившись в жаркий рассказ о том, как нынче растут цены и как в том Краснодаре люди обнаглели драть втридорога с мамаш школьников и садовцев, она отмахнулась:

– Да жива теть Галя, ты что! Она в ту ночь на смене была, устроилась же санитаркой работать, пить бросила, ее взяли. А хахаль ейный, Генка, он дома был. Че-то замкнуло там у

них, я не знаю, да как вспыхнуло! Он в одном исподнем и выскочил. Хорошо, пожарная часть недалеко, приехали тушить, а толку – дома-то саманные, сама знаешь, горят хорошо, вот и выгорело все начисто. Куда уж они уехали, я знать не знаю, о том мне не докладывали. Поди, мать знает, она с теть Галей хорошо ж общалась. Погоди, я позвоню ей, узнаю номер.

Нинка вышла из кухни за телефоном, а я поняла, что впервые за последнее время ощутила радость. Хоть мы и не были близки особенно в последнее время с мамой, но узнать о том, что она сгорела в пожаре, было бы страшным для меня. Правда, теперь у меня вообще беспросветное будущее – если уж родной дом сгорел, то идти мне вообще некуда.

– Пиши номер, я тебе продиктую, – одноклассница вернулась ко мне, наговорившись по телефону, а затем мы все же попили чай.

Как водится у русских, к чаю был салат, бутерброды с мясом, пироги и булки, и я ощутила, что объелась как Пятачок.

– Кого ждешь хоть, Дашка? – кивая на мой живот, заулыбалась Нинка и похлопала себя по выдающемуся пузику. – Я вон тоже на сносях, через месяц рожать. Парня ждем третьего. Хотела девку, а никак не получается. Годика через два-три еще раз буду рожать, хочу дочку, мочи нет!

– Мальчик у меня, – улыбнулась я, ощущая, как внутри словно в ответ на мое поглаживание толкнули ножкой. – Мне тоже скоро рожать, вот и думала с мамой повидаться, а то

мы… ну, в общем, разругались и не общались.

Выкладывать истинную причину приезда сюда я не собиралась. Для меня это слишком личное, а для Нинки просто повод перемыть мне кости. Незачем.

– А муж-то чего не приехал с тобой? – полюбопытствовала она, глянув на мой безымянный палец на правой руке. – Тоже кольцо не носишь? Отекают пальцы, в прошлый раз пилить пришлось обручалку, в этот раз я сразу сняла.

– Да, – я кивнула, – не ношу колец, тоже отеки. Ноги вон как колодки, видишь? Тяжело в жару. У вас тут еще на воздухе, а у нас там пока набегаешься туда-сюда по этажам, ступни так и ноют, уложить не могу.

– Это да, – вздохнула мне в ответ женщина. – Мой-то мне вечерами ноги массирует, а все равно тяжело. А твой кем работает? Теть Галя говорила, ты на врача учишься? К нам сюда приезжай работать, тут вон как раз Тамара Ивановна на пенсию пошла, очень нужен нам врач.

– Да, я закончила в этом году, – я отпила чай, думая, что ответить на вопрос про мужа. -Вахтой он работает, на север ездит зарабатывать. Сейчас вот как раз в поездке, а то б не отпустил меня в такую даль одну.

Прежний Даня, тот, кого я так хорошо, как мне казалось, знала, и правда был бы против моей поездки в теперешнем состоянии в такую даль. И в голове никак не укладывалось, как он мог так поступить со мной, просто подло и безнравственно. Ну да чего уж думать, потерявши голову по волосам

не плачут.

– Вахтой хорошо, – вздохнула Нина. – А мой вот в станице у нас участковым работает, зарплата не сильно большая. Я-то как первого родила, так и сижу, пособие платят, а когда на работу выйду, и не знаю. Я ж техникум закончила, на швею выучилась, поработала в ателье, там без оформления, потом вот Сашку родила, потом через полтора года Мишку, и вот опять рожать. Врач меня ругает, говорит, отдыхать надо между родами побольше, а как отдыхать, если у меня месячных нет, грудью кормлю, вот оно само и выходит. Мишку вообще узнала только когда зашевелился, толстая я, пойди догадайся, че пузо такое большое. Жру много, свекровь у меня ж пекарь, все время у нас то булки, то пироги, то еще что дома. Вот и почуяла, что кишки бурлят, пошла, а там на УЗИ отправили. Ваньку-то я уже сама захотела, думала, девка будет, не предохранялись мы. А он опять пацан. Хотела остановиться на третьем, этих бы поднять, а девочку хочу, косички-бантики, да платьишки. Ты будешь еще рожать?

– Да пока не знаю, – я вздохнула, – что-то пока не думала об этом, надо будет на работу выйти, с квартирой решить, своей нету, потом только думать о детях.

– Да, жалко, дом-то у вас какой хороший был! – цокнула языком Нина. – Папка твой мастер, конечно, жить бы да жить.

– Да, – я вздохнула.

Мой папа, Юрий Николаевич Афанасьев, плотник по спе-

циальности, дом наш всегда содержал в порядке, все у него было на своих местах. Беспорядка он не терпел, и меня всегда приучал к тому же. У каждой вещи свое место должно быть. С мамой они прожили до моего рождения лет пять, он был старше на двадцать лет, взял свою Галю смешливой девчонкой, только-только медучилище закончившей. Успели попутешествовать немного, всегда хотели они на Сахалин съездить, на Алтай, Москву увидеть, вот и ездили в отпусках, а как я появилась, уже никуда не двигались, все ждали, пока я подрасту. А когда мне исполнилось двенадцать, папа внезапно умер. Ему исполнилось всего пятьдесят лет. Лег вечером спать, мама суетилась по дому, потом смотрела кино, а когда в спальню пришла, он уже был готов. Вспомнив тот леденящий душу вой, разбудивший меня посреди ночи, я мысленно содрогнулась. Смерть папы подкосила маму. Она начала пить. Сначала одна и по вечерам, потом появились компании, ее выгнали с работы за прогулы, она подрабатывала, где могла, обещала завязать, не могла, и все начиналось заново. Я уехала из дома в семнадцать. Поехала поступать в Краснодар, да так там и осталась. Работала официанткой после учебы, выживала как могла, училась на «отлично» ради повышенной стипендии, даже как-то удостоилась губернаторской, жила в общаге. И вот, закончив ВУЗ с красным дипломом, оказалась не у дел. Брошенная, беременная, нищая, не знающая, куда податься.

– А мамке ты позвони, – внезапно с жаром воскликнула

Нина. – Она простит тебя, точно знаю. Моя-то мамка мне говорила, очень уж теть Галя на тебя обижалась, что ты так от нее отреклась. Она ж и пить бросила почти сразу же, все хотела тебе доказать, что может стать снова нормальной. А вон как вышло, видишь. Но участок-то остался ж за вами, можно новый дом построить. Ты подумай. Вам же материнский капитал дадут, у нас тут многие используют его, чтобы кредит на стройку взять. Если мужик у тебя рукастый, то самое то. Че ребенка в городе растить, у нас тут и речка, и природа, продукты всегда свежие, да натуральные.

– Да, надо подумать, – я поднялась неловко, едва не свернув животом чашку с недопитым чаем. – Ты извини, Нин, посидела б еще, да мне ж обратно пилить три часа, если не больше. Пойду я.

Одноклассница с тоской вздохнула, было видно, что ей понравился мой визит, видимо, общаться особо не с кем, а так хоть новый человек, не знающий деревенских сплетен.

Она проводила меня до калитки и стояла, глядя в спину, пока я не скрылась за поворотом. Автобус должен был уходить по расписанию через полчаса, как раз успею доползти.

Но жара будто усилилась за то время, что я пробыла в доме у Поповых, и каждый шаг давался тяжело, пришлось даже пару раз останавливаться и делать глубокие вдохи. Ох, дура я и правда, зачем поперлась, надо было позвонить, ведь номер, который мне дала Нина, был давно забит в памяти телефона.

Водитель автобуса, пузатый дядька с прокуренными усами, чихнул и нахмурился, увидев меня.

– Эй, девка, а ты тут не родишь по дороге? – заволновался он, когда я протянула деньги за проезд. – Мне тут такого не надо, я не акушер.

– Не рожу, – кряхтя, поднялась я в автобус и уселась поближе к кабине водителя – здесь не так сильно болтает.

Кондиционер работал не в полную силу и казалось, что совсем не холодил, но, когда мы выехали на трассу, включился, приятно обдувая лицо, и я, откинув голову на сиденье, придремала, даже сон какой-то увидела. Ноги от неудобной позы быстро затекли, я несколько раз шевелила ими, на технической остановке выходила в тень автобуса и разминалась, да и в туалет бегала, куда ж без этого – чаю напилась у Нины как будто в последний раз.

Наконец, выйдя на автовокзале Краснодара, вздохнула с облегчением – хоть и съездила зря, а все равно порадовалась. И что мама жива, и что доехала нормально, и что есть где провести и эту ночь. Завтра же начну искать работу. Может, хотя бы на первый месяц после родов успею насобирать.

5

Но планам моим не суждено было сбыться. В 4 утра я как обычно пошла в туалет. С почти закрытыми глазами сидела на унитазе, временами, казалось, проваливаясь в сон, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что слишком уж много из меня льется мочи. Не могла я столько выпить. А это значит только одно – отходят воды.

Паника накрыла с головой, я вскочила с унитаза и заметалась по ванной, пытаясь одновременно натянуть трусы, чем-то прикрыть этот водопад и сообразить, как мне дальше действовать. Сумка для роддома была собрана, я просто накануне перебрала ту, что привезла с собой из больницы, доложив в нее подгузники и детскую одежду, да себе средства гигиены, и теперь была самой себе благодарна за предусмотрительность. Оставалось принять душ и вызвать скорую. Эх, жалко будить теть Валю, конечно, но никуда не деться. И вообще, я не представляю, куда все мои вещи девать, ведь эта добрая женщина не обязана за ними присматривать. Вдруг ей подвернется буквально сегодня покупатель, ударят по рукам, и пиши пропало. Если честно, я даже не представляла, куда мне вообще идти после родов, просто на улицу с малышом. Как в Индии – родила и живи под мостом в бочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.